

УДК 34: 004

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-24-34

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Арзамасов Ю. Г.¹, Певцова Е. А.²

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
109028, г. Москва, Покровский б-р, д. 112, Российская Федерация

²Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Раскрыть возможности цифровизации для систематизации юридической терминологии.

Процедура и методы. Используются как общие приёмы (методы анализа и синтеза, формулирования определений), так и частно-правовые методы (правовой статистики, правового прогнозирования, правового моделирования), которые позволили получить результаты исследования и ответить на вопрос о роли цифровизации в систематизации юридической терминологии.

Результаты. Предложено авторское понятие систематизации юридической терминологии, разработан план систематизации юридической терминологии при помощи цифровизации, основным этапом которого является подготовка и принятие федерального закона «О правовом тезаурусе Российской Федерации» в электронной форме.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложен новый вид правовой систематизации в форме правового тезауруса. С помощью ФЗ «О правовом тезаурусе Российской Федерации», размещённого на платформе блокчейна, можно будет решить не только проблему систематизации юридической терминологии, но и основные практические проблемы, связанные с поиском юридических терминов, их толкованием и применением.

Ключевые слова: цифровизация, электронные цифровые машины, цифровая трансформация государства, цифровая экономика, цифровое государство, юридическая терминология, систематизация, систематизация юридической терминологии, блокчейн

THE ROLE OF DIGITALIZATION IN THE SYSTEMATIZATION OF LEGAL TERMINOLOGY

Yu. Arzamasov¹, E. Pevtsova²

¹HSE University

Pokrovsky Bulvar 112, Moscow 109028, Russian Federation

²Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To reveal the possibilities of digitalization for the systematization of legal terminology.

Methodology. Both general techniques (methods of analysis and synthesis, formulation of definitions) and private legal methods (legal statistics, legal forecasting, legal modeling) were used, which made it possible to obtain research results and answer the question about the role of digitalization in the systematization of legal terminology.

Results. The author's concept of systematization of legal terminology is proposed. A plan has been developed to systematize legal terminology through digitalization, the main stage of which is the preparation and adoption of the Federal Law «On the Legal Thesaurus of the Russian Federation» in electronic form.

Research implications. A new type of legal systematization in the form of a legal thesaurus is proposed. With the help of the Federal Law «On the Legal Thesaurus of the Russian Federation», posted on the blockchain platform, it will be possible to solve not only the problem of systematization of legal terminology, but also the main practical problems associated with the search for legal terms, their interpretation and application.

Keywords: digitalization, electronic digital machines, digital transformation of the state, digital economy, digital state, legal terminology, systematization, systematization of legal terminology, blockchain

Из истории цифровой трансформации государства (вместо введения)

Идеи о цифровой трансформации государства появились не сегодня и не на Экономическом форуме в Давосе (2009), где председатель Всемирного экономического форума Клаус Шваб выступил с докладом о цифровизации общества, как считают отдельные современные аналитики¹. Несомненно, Давосский форум сыграл важную роль в осуществлении проектов цифровизации, которые стали реализовываться во многих странах мира, но это была далеко не первая площадка, на которой выдвигалась идея цифровой трансформации государства.

Историческим фактом является то, что первым вопросы цифровой модернизации государственного управления поднял ещё в середине 50-х гг. прошлого века наш соотечественник, боевой офицер, участник Великой Отечественной войны А. И. Китов, который в 1954 г. был назначен на должность руководителя Главного вычислительного центра Минобороны СССР. Здесь не лишним будет подчеркнуть, что на тот момент наша страна имела самую быструю в Европе вычислительную машину, соревноваться с ней могли только некоторые американские образцы.

Результатом деятельности А. И. Китова явилась, вышедшая в 1956 г. первая в этой области книга в СССР «Электронные цифровые машины», где автор показал фантастические, по тем временам, возможности использования ЭВМ в обороне страны, в государственном управлении, а также в

развитии экономики. В своём труде он писал о специализированных цифровых машинах «следующих назначений:

- машины для решения систем обыкновенных дифференциальных уравнений – цифровые дифференциальные анализаторы;
- машины для вычисления коэффициентов и функций корреляции – корреляторы;
- машины для решения систем линейных алгебраических уравнений;
- специализированные машины для решения задач теории вероятностей и уравнений в частных производных методом статистических испытаний (методом Монте-Карло)» [3].

Данный труд стал весьма полезным не только для математиков, но и для учёных других специальностей, с невероятной быстротой он становится бесцеллером в науке, поскольку был востребован научной общественностью разных стран и переведён на 8 иностранных языков.

К сожалению, в те годы идеи А. И. Китова не нашли должной поддержки у некоторых членов ЦК КПСС, которым был представлен доклад. Более того, за этот доклад учёного исключили из партии, а затем сняли с должности.

Однако ни руководитель Главного вычислительного центра Минобороны СССР А. И. Китов, ни «отец информатики» А. Тьюринг, ни Дж. Маккарти², который ввёл в научный оборот понятие искусственного интеллекта (ИИ), ни автор термина «цифровая экономика» Н. Негропonte, ни К. Шваб, ни Г. Греф,

¹ См.: Алабужин И. Давосский форум стал фабрикой грёз // Ведомости: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/12/22/852048-davosskii-forum> (дата обращения: 07.11.2022).

² McCarthy J. What is artificial intelligence [Электронный ресурс]. URL: <http://www.formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html> (дата обращения: 04.11.2022).

активно продвигающий идеи цифровой трансформации, практически ни одна страна в мире не подошла к проекту, связанному с цифровизацией юридической терминологии, и это несмотря на то, что многие страны с достаточно развитой цифровой экономикой уже имеют определённую базу для этого решения в форме различных справочно-правовых систем. Так, например, в Бельгии ещё в 1967 г. совместными усилиями Бельгийского союза адвокатов и нотариусов с юридическими факультетами университетов была запущена так называемая электронная карта-тека поиска правовой информации при помощи компьютера. Настало время, когда именно наша страна должна выступить лидером в создании профессиональной системы цифровизации юридической терминологии.

Современное состояние построения цифрового государства

Отечественные исследователи, представляющие различные научные направления и школы, постоянно поднимали вопрос построения цифрового государства, которое является характерным для так называемого шестого технологического уклада, ядром которого, как отмечает в коллективной монографии М. В. Залоило, «должны стать информационные технологии, а заключительной стадией общественного развития в его рамках является информационное общество» [4, с. 126].

С этим мнением следует согласиться, поскольку переход к цифровому государству, а затем к цифровому обществу в нашей стране, как и в странах ЕС, осуществляется через реализацию программ, связанных с цифровой экономикой.

В 2017 г. в России по рекомендации «Деловой двадцатки» и Всемирного банка распоряжением Правительства Российской Федерации № 1632 была принята госпрограмма под названием «Цифровая экономика». Данный программный документ был довольно объёмным, поскольку в нём закреплялись

цели, задачи, направления, а также, что немаловажно, сроки реализации основных мер государственной политики по созданию необходимых условий для развития в стране цифровой экономики. При этом значительная часть госпрограммы была посвящена вопросам привлечения международных инвестиций и развитию цифрового бизнеса.

Проведённый анализ данного документа показал, что к основным «сквозным цифровыми технологиями», входящим в рамки данной программы, были отнесены следующие:

- «большие данные;
- нейротехнологии и искусственный интеллект;
- системы распределённого реестра;
- квантовые технологии;
- новые производственные технологии;
- промышленный интернет;
- компоненты робототехники и сенсорики;
- технологии беспроводной связи;
- технологии виртуальной и дополненной реальности»¹.

На первый взгляд может показаться, что в этой программе тоже нельзя было найти места для цифровой систематизации не только юридических терминов, но и нормативных правовых актов вообще.

Но это не так, поскольку такие технологии из приведённого перечня, как обработка «больших данных» и «системы распределённого реестра», которые создаются и работают на основе системы блокчейна, вполне могли бы стать основой для цифровой систематизации как юридических терминов, так и всего блока различных по субъектам принятия нормативных правовых актов.

Между тем этого не случилось, поскольку Правительство отменило данную программу. Произошло это по объективной причине, т. к. был принят Указ Президента Российской Федерации 2018 г. о национальных программах. В этой связи Правительство и федеральные министер-

¹ Собрание законодательства РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

ства основные государственные проекты стали разрабатывать фактически по новой.

На сегодняшний день в современной России в рамках государственной программы «Информационное общество» осуществляется мощный федеральный проект «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Данный проект направлен прежде всего на реализацию национальной цели «Цифровая трансформация», закреплённой в Указе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹.

Однако нам, как исследователям современного социума, так и рядовым гражданам, следует ещё преодолеть «цифровую эйфорию», связанную с идеализацией применения цифровых технологий и систем искусственного интеллекта (ИИ). В этой связи следует согласиться с мнением авторов доклада «Цифровое будущее государственного управления по результатам», которые отмечают, что «цифровая трансформация подразумевает, что некоторые функции, исполняемые сегодня вручную государственными служащими, будут переведены в автоматический режим и не потребуют вмешательства человека. Большинство государственных услуг (в той мере, в какой они останутся, не будут замещены общественными благами) будут предоставляться в электронном виде и не подразумевать личного взаимодействия с органами власти на каком-либо этапе. Все стадии управленческого цикла будут обеспечены актуальной и достоверной информацией, необходимой для принятия управленческих решений, ориентированных на конечные общественно значимые результаты, а сами эти решения будут моделироваться и приниматься с использованием современных, в т. ч. прорывных, цифровых технологий» [7, с. 105].

Согласно версии международного индекса сетевой готовности, пред-

ставленной в докладе «Глобальные информационные технологии» за 2016 г., Российская Федерация занимала тогда 41-е место по готовности к цифровой экономике, т. е. она серьёзно отставала от 10 лидирующих стран, в которую входили Сингапур, Финляндия, Швеция, Норвегия, США, Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Люксембург и Япония.

В настоящее время ситуация значительно изменилась. Россия по рейтингу электронных правительств, который составил известный японский Университет WASEDA, сейчас занимает 26 место. При этом лидером в этом рейтинге стала Дания, которая даже не входила в указанную десятку рейтинга, за ней идут Сингапур и Великобритания, а США находятся сейчас на четвёртой позиции.

Итак, между экономически развитыми странами сегодня наблюдается соревнование цифровых технологий. В этой связи председатель правления Сбербанка России Г. Греф подчеркнул, что «в ближайшие 10 лет нас ожидает конкуренция между странами за овладение полным технологическим стеком, которым сейчас обладает лишь одна страна – Китай. И у России есть шанс сохранить свою технологическую независимость в цифровом мире, потому что мы – одна из 3-х стран, у которой есть свои поисковики, социальные сети и картографические бизнесы»².

Эксперты считают, что цифровому государству предшествует электронное государство, которое характеризуется возможностью электронного общения государственных и муниципальных органов, как между собой, так и с различными институтами гражданского общества, предоставлением государственных услуг населению, привлечением бизнеса и граждан в реализации государственных проектов, что в последнее время получило название «краудсорсинг».

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

² Греф считает, что ускорение цифровой трансформации станет важным постпандемическим трендом. 3 июня 2021 // ТАСС: [сайт] [03.06.2021]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11558691> (дата обращения: 07.11.2022).

В противовес электронному цифровое государство связано не только с предоставлением электронных услуг населению, но и со следующими направлениями деятельности:

- заменой в государственных организациях, учреждениях и госкорпорациях бумажного документооборота электронным;
- разработкой моделей цифровизации всех областей хозяйствования и планомерным их внедрением;
- цифровой обработкой больших данных во всех органах публичной власти и сферах хозяйствования;
- оцифровкой всех правовых актов;
- систематизацией, обработкой, распределением, хранением и обменом важной и текущей правовой информации с помощью платформ блокчейна;
- внедрением во многие сферы деятельности органов публичной власти, в т. ч. и при принятии управленческих решений, различных систем искусственного интеллекта (ИИ).

Систематизация: понятие, виды

Важную роль в изучении проблемы играет современное понимание систематизации нормативных правовых актов. В научной литературе по данному вопросу написано немало трудов. Так, всем хорошо известно хрестоматийное определение систематизации, выраженное А. С. Пиголкиным, согласно которому систематизация законодательства представляет собой постоянную форму развития и упорядочивания действующей правовой системы [5, с. 30]. Никто не спорит с тем, что в условиях развития цифровых отношений именно систематизация необходима для эффективного развития законодательства. В процессе анализа и обработки нормативных актов осуществляется своего рода группировка предписаний по определённой схеме, что представляется важным для правотворческой деятельности. Ликвидируются пробелы, коллизии и устаревшие предписания.

Более того, традиционная теория права доказала, что правовая система России изначально никогда не представляла собой совокупности разрозненных актов, это всегда была выстроенная система кодификационного процесса, позволяющего упорядочить издаваемые нормы права. При этом большое внимание было уделено инкорпорации (созданию свода законов), роль которой в условиях развития искусственного интеллекта и цифры явно уходит на задний план, уступая первенство кодификационным процессам.

Однако первая четверть текущего столетия была озаменована попытками учёных найти законченное технологическое воплощение позиции об использовании систематизации для развития российского права. Учёными ВШЭ ещё 12 лет назад была предпринята попытка по-новому взглянуть на роль систематизации в современной жизни, позволяющая с наименьшими потерями эффективно развивать законодательство, обеспечивая его системность [2]. В частности, предложена правовая конструкция «моделирования правового поля» как комплексного способа систематизации.

Ведущими видами систематизации выступают *учёт, инкорпорация, консолидация, кодификация*.

В первом случае может также применяться электронная автоматизированная система, которая позволяет упорядочить необходимые документы по запросу пользователя. В прошлом подобные функции выполнял картотечный или журнальный учёт в бумажном исполнении. При составлении картотек фиксировали все необходимые реквизиты документов, наименования актов, органа, его принявшего со всеми изменениями и дополнениями, которые располагались в алфавитно-предметном или системно-предметном порядке.

Второй вид систематизации – *инкорпорация* – выражался в издании сборников, собраний нормативных правовых актов. Это было особенно удобно для тех субъектов, кто непосредственно работал с текстами актов, должен был отслеживать из-

менения, дополнения тех или иных норм. При этом осуществлялась так называемая внешняя обработка нормативных правовых актов, которая никак не влияла на его нормативное содержание. Инкорпорация могла быть официальной, полуофициальной (без официально выраженного подтверждения правотворческим органом) и неофициальной. Официальная инкорпорация всегда осуществлялась правотворческим органом или тем, кому были делегированы полномочия. При разрешении юридических споров всегда служила источником правомерного поведения субъектов права. Научные учреждения, коллективы авторов так или иначе обобщали и готовили сборники актов по тем или иным направлениям правового регулирования, которые и представляли собой неофициальную инкорпорацию.

Консолидация представляет собой объединение нормативных актов в определённый акт. Примером такого вида систематизации служит Свод законов Российской империи. При консолидации объединённые акты утрачивают силу, а вместо них действует вновь созданный акт. Консолидации могут осуществлять только правотворческие органы в отношении тех актов, которые ими приняты. В этой связи консолидацию чаще рассматривают как правотворческий метод.

И, наконец, принципиально важным видом систематизации выступает *кодификация*. Именно кодификационный процесс позволяет переработать, отменить устаревшие нормы, устранить возникающие противоречия и в результате создать единый документ – кодекс. Кодификация может осуществляться в значительной части законодательства, тогда её называют всеобщей. В другом случае возникает переработка определённой сферы законодательства или отрасли права (например, семейной). В практике также встречается специальная кодификация. Это происходит в том случае, когда перерабатываются нормы определённого правового института.

Происхождение и проблемы юридических терминов

Противоречия (коллизии) между юридическими терминами, содержащимися в одном нормативном правовом акте, либо в нескольких, обусловлены как субъективными детерминантами, прежде всего, невнимательностью, небрежностью разработчиков норм права, авральностью в работе, что приводит к поспешным небрежным внесениям в нормативные правовые акты изменений и дополнений, либо просто низкой квалификацией специалистов, готовящих проекты, либо внесением в нормативные правовые акты изменений или дополнений без надлежаще проведённой экспертизы. Причём в данном случае речь идёт не просто о традиционных видах экспертизы, какими являются общеправовая и лингвистическая экспертизы, а о таких видах, как научная и терминологическая экспертизы различных нормативных правовых актов.

Наличие коллизий и других терминологических дефектов (неправильное использование в тексте закона синонимичных слов, неполнота понятий, отсутствие важных признаков, использование многозначных слов, историзмов и жаргонизмов, злоупотребление в использовании иностранных слов) обусловлены также и объективными факторами. Среди них можно назвать также пути образования юридических терминов, которые создаются не только в процессе деятельности учёных, что является характерным для стран, входящих в романо-германскую правовую семью, но и в процессе «терминологизации» и «транстерминологизации». При этом «терминологизация» по отношению к праву является использованием общеупотребительных слов в юридическом языке и приданием им особого правового смысла. По отношению к праву транстерминологизацией является использование специальных неюридических терминов, изначально принадлежавших к другим областям знания, в юридическом языке и придание им особого, правового смысла» [6, с. 87].

В последнее время широкое распространение получило признание и легальное закрепление федеральным законодателем как терминов международного законодательства, так и тех терминов, которые были приняты региональными законодателями. Причём такие пути формирования юридической терминологии хотя и поддерживают многие учёные, поскольку в этом случае «юридическая терминология пополняется напрямую, без посредничества изначально неюридических слов», но и они приводят к коллизиям (различные точки зрения по идеологическим, политическим и другим мотивам).

Здесь актуализируется вопрос: что же делать?

Особое значение для упорядочивания законодательства имеет систематизация, о чём уже было сказано выше.

Когда мы говорим о систематизации юридической терминологии, понимаем под ней *упорядочение в одной правовой действующих в законодательстве терминов, используемых при создании различных по юридической силе, отраслевой типизации и субъектной направленности нормативных правовых актов*. Иными словами, речь идёт о применении единых (унифицированных) юридических терминов всеми субъектами правовых отношений.

В современных условиях цифровизации, с внедрением цифровых технологий хранения, обработки, а теперь и подготовки нормативных правовых актов, актуализируется проблема унификации юридической терминологии.

Оппоненты здесь сразу могут возразить, отмечая, что данная проблема уже решается посредством применения так называемой американской юридической конструкции создания нормативных правовых актов, где в начале документов находятся так называемые статьи-словники, закрепляющие нормы-дефиниции.

Однако данный вопрос до сих пор является дискуссионным, поскольку конструкции нормативных правовых актов, закрепляющие в начале акта нормы-дефиниции, раскрывающие понятия того

или иного юридического термина, удобны только специалистам. Примером является № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹. Рядовым гражданам, наоборот, нужно тратить лишнее время на то, чтобы досконально изучить терминологию, которая необходима им для понимания норм закона, что вызывает определённые неудобства.

Дорожная карта систематизации юридической терминологии

С недавнего времени для подготовки и проведения масштабных проектов специалисты в области государственного управления стали использовать понятие «дорожная карта», под которой следует понимать некий алгоритм действий, план реализации важных государственных задач (федеральных, региональных и т. д.).

Считаем, что данный подход достоин апробации и подходит для систематизации (унификации) юридической терминологии.

Заявленная тема статьи претендует как минимум на полноценное монографическое исследование. В этой связи мы выдвигаем гипотезу о необходимости создания такой «дорожной карты», т. е. плана систематизации юридической терминологии при помощи цифровизации.

Необходимо отметить, что начинать такой крупномасштабный проект следует с наблюдения за сложившейся ситуацией, потом провести полноценный её анализ, мониторинг общественных отношений, связанных со систематизацией, а также терминов, которые должны быть унифицированы.

Таким образом, необходим полноценный правовой мониторинг ситуации [1]. Причём определённой составляющей его должны быть не только правовая и лингвистическая экспертизы, но и «терминологическая экспертиза», о которой, к сожалению,

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 40. Ст. 3822.

нию, помимо В. Ю. Туранина и Л. Ф. Апт, практически никто не писал. Как подчеркнул в своей докторской диссертации В. Ю. Туранин, в «рамках как лингвистических, так и правовых экспертиз законопроектов должен проводиться детальный анализ юридической терминологии.

Теоретико-прикладная модель экспертизы юридической терминологии законопроекта включает:

- цели и задачи проведения экспертизы;
- специальные требования к экспертам;
- комплекс вопросов для исследования

юридической терминологии экспертами-юристами и экспертами-лингвистами» [6, с. 21].

Особое значение также имеет научная экспертиза. Региональные законодатели, а также Государственная Дума уже сделали правильный шаг в этом важном направлении. Научная экспертиза законопроектов предусмотрена п. 1 ст. 112 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации¹.

На сегодняшний день как в России, так и за рубежом уже существуют различные компьютерные программы, позволяющие находить в законодательстве однообразные термины.

Данные проведения правового мониторинга следует закреплять в определённой электронной базе данных – «досье закона». Такая идея родилась практически в одно время в палатах Федерального Собрания РФ в начале XXI в., причём сейчас определённые подвижки в создании такой базы уже видны. Так, на сайте Государственной Думы публикуются проекты федеральных законов, сопроводительные документы к ним (аналитические записки, полученные заключения по ним от Правительства, федеральных министерств и т. д.), но важно отметить, что в этой базе отсутствуют научные работы по вопросам предполагаемого регулирования, нет данных ретроспективного мониторинга и оценки его

¹ Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // Государственная Дума: [сайт]. URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/> (дата обращения: 07.11.2022).

фактического воздействия (ОФВ), нет анализа юридических проблем, юридических терминов, т. е. нет необходимых научных прогнозов, связанных с применением того или иного термина. Как известно, без хорошей теории нет и добротной, правильной, основанной на законодательных предписаниях (запретах и дозволениях), юридической практики.

Правовой тезаурус должен быть не просто словарём юридических терминов, но и указателем, где впервые этот термин употреблялся, в каком нормативном документе, в каких актах он был использован. В этом проявляются не просто системность, компактность законодательства, но и рациональность в регуляции отношений в обществе.

Причём определённый опыт взаимодействия государственных органов в России по средствам цифровых технологий уже имеется. Так, в п. 2 Постановления Правительства РФ № 890 «О мерах по совершенствованию электронного документооборота в органах государственной власти» говорилось, что до 31 декабря 2016 г. необходимо установить «переход на обмен электронными документами при взаимодействии федеральных органов исполнительной власти между собой и с Правительством Российской Федерации»².

В 2013 г. Государственная Дума выпустила электронное издание словаря терминов, используемых в законодательстве РФ, в которое были включены 5276 терминов и их легальных определений³. В словаре было указано, где, в каких нормативных правовых актах впервые был применён тот или иной юридический термин. Однако данный словарь носит полуофициальный, можно сказать, официальный характер, поскольку используется, как правило, для внутреннего пользования сотрудниками Аппарата Государственной Думы.

² Постановления Правительства РФ от 6.09.2012 № 890 «О мерах по совершенствованию электронного документооборота в органах государственной власти» // СЗ РФ. 2012. № 38. Ст. 5102.

³ Словарь терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации. М.: Издание Государственной Думы, 2014. 238 с.

Поскольку в российском законодательстве, по экспертным оценкам сотрудников Аппарата Государственной Думы, содержатся не сотни, а более 15 тыс. легальных терминов, актуализируется проблема систематизации юридической терминологии. При этом для удобного получения, хранения, а также внесения изменений в реестр необходимой информации следует подготовить тезаурус юридических терминов, который должен быть не просто закреплён в электронном виде (форме), но и быть размещён в свободном доступе, т. е. для всех лиц, как это сделано, например, во Франции.

Телеологическое значение такой формы документооборота заключается в том, чтобы любой гражданин, независимо от социального положения, которое он занимает, а не только государственный служащий имел свободный доступ к официальной базе данных, чтобы при подготовке проекта нормативного правового акта, правоприменительного приказа, гражданско-правового договора, заявления, жалобы и т. п. можно было посмотреть значение необходимых юридических терминов и грамотно их применить. Аналогичные нормы уже внесены в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹, в частности федеральным законом № 263-ФЗ была введена ст. 11.1. «Обмен информацией в форме электронных документов при осуществлении полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления», в которой отмечалось, что государственные и муниципальные органы обязаны «предоставлять по выбору граждан (физических лиц) и организаций информацию в форме электронных документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью»².

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

² Федеральный закон от 13.07.2015 № 263-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отмены ограничений на использование электронных до-

кументов при взаимодействии физических и юридических лиц с органами государственной власти и органами местного самоуправления» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4389.

И самое важное: электронная база юридических терминов должна иметь статус именно федерального закона, не ниже, т. е. федерального закона в форме электронного нормативного правового акта. Эпоха бумажных носителей уже заканчивается. Как отмечает профессор В. Б. Исаков, «со всей очевидностью приближается следующий принципиальный рубеж <...> эпохи, состоящий в том, что электронная форма официального опубликования правовых актов из подчинённой станет основной, а бумажная – вторичной, вспомогательной»³. Профессор также подчёркивает, что «всё более очевидно, что “традиционным” нормативным правовым актам присущи недостатки, мешающие их обработке и хранению в электронных информационных системах, препятствующие эффективному поиску и использованию этих документов пользователями»⁴.

С этим высказыванием следует согласиться, поскольку в бумажной форме издание тезауруса не выгодно по многим причинам, в него будут часто вноситься изменения и дополнения, поэтому типографии будут постоянно не успевать печатать новые тиражи. Если у тезауруса будет статус федерального закона, т. е. акта, обладающего высшей юридической силой, закрепляющего «первичные» нормативные предписания, то с этой базой данных будут все считаться и применять в своей профессиональной юридической и управленческой деятельности. Понятия, содержащиеся в тезаурусе, приобретут легальный характер, их использование будет обязательным.

Помимо этого тезаурус, как и все регистры и реестры нормативных правовых актов, должен входить в одну большую систему блокчейна, в которой для всех федеральных конституционных и федеральных законов должно быть сформировано и оцифровано «досье закона».

кументов при взаимодействии физических и юридических лиц с органами государственной власти и органами местного самоуправления» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4389.

³ Нормография: теория и технология нормотворчества: учеб. для вузов / под ред. Ю. Г. Арзамасова. М.: Юрайт, 2020. С. 93.

⁴ Там же. С. 94.

Но здесь возникает другая, не менее важная, проблема – это защита информации. Известно, что хакерские атаки могут нанести серьёзный вред системе хранения информации. Однако в современном блокчейне на этот счёт присутствуют определённые средства защиты, поэтому риски хранения информации на блокчейне сводятся к минимуму, поскольку в системе «формируется «блок», который включается в систему распределённого хранения данных и фиксируется на множестве компьютеров.

Заключение

Как показывают проведённое исследование и юридическая практика, в современной ситуации цифровизации права теоретические и эмпирические взгляды направлены в сторону таких современных технологий, как блокчейн. Сейчас появляется масса предложений и уже готовых проектов о переводе тех или иных ресурсов (финансовых, экономических и др.) на платформы блокчейна. В этой связи одним из важных современных государственных проектов, способствующих этому, является цифровизация.

С помощью технологий блокчейна можно решить проблему не только систематизации юридических терминов, но и всего

отечественного законодательства, а также иные практические проблемы.

Систематизация юридических терминов посредством принятия ФЗ «О правовом тезаурусе Российской Федерации» не вписывается ни в один из известных в теории права видов систематизации. Между тем в данном виде систематизации присутствуют признаки и электронного учёта нормативных документов, позволяющие хранить, обновлять, находить и применять необходимые юридические термины, признаки инкорпорации как электронного свода терминологии, а также признаки консолидации, т. к. в одном нормативном правовом акте объединяются все юридические термины, действующие в современной России, в её сложной правовой системе.

Таким образом, в данной терминологической систематизации мы находим как признаки всех известных видов систематизации, так и её характерные особенности. В этой связи можно сделать вывод о необходимости детального исследования данного вида систематизации в целях раскрытия её правовой природы и повышения эффективности правоприменения.

Статья поступила в редакцию 14.11.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Концепция мониторинга нормативных правовых актов. М.: Юрлитинформ, 2011. 201 с.
2. Гетьман-Павлова И. В., Ерпылева Н. Ю., Салыгин Е. Н. и др. Систематизация законодательства как способ его развития. М.: Высшей школы экономики, 2010. 535 с.
3. Китов А. И., Криницкий Н. А., Комолов П. Н. Элементы программирования. М., 1956. 287 с.
4. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 184 с.
5. Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 380 с.
6. Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование): дис. ... докт. юрид. наук. Белгород, 2017. 437 с.
7. Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е. И. Добролюбова, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов, Е. Н. Клочкова, Э. В. Талапина, Я. Ю. Старцев. М.: Дело, 2019. 113 с.

REFERENCES

1. Arzamasov Yu. G., Nakonechny Ya. E. *Kontseptsiya monitoringa normativnykh pravovykh aktov* [The concept of monitoring normative legal acts]. Moscow, YurLitinform Publ., 2011. 201 p.
2. Getman-Pavlova I. V., Erpyleva N. Yu., Salygin E. N., et al. *Sistematizatsiya zakonodatelstva kak sposob razvitiya yego* [Systematization of legislation as a way to develop it]. Moscow, Vysshey shkoly ekonomiki Publ., 2010. 535 p.

3. Kitov A. I., Krinitsky N. A., Komolov P. N. *Elementy programmirovaniya* [Elements of Programming]. Moscow, 1956. 287 p.
4. Pashentsev D. A., Zaloilo M. V., Dorskaya A. A. *Smena tekhnologicheskikh ukладov i pravovoye razvitiye Rossii* [Change of technological structures and legal development of Russia]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2021. 184 p.
5. Pigolkin A. S., ed. *Sistematizatsiya zakonodatel'stva v Rossiyskoy Federatsii* [Systematization of legislation in the Russian Federation]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 2003. 380 p.
6. Turanin V. Yu. *Yuridicheskaya terminologiya v sovremennom rossiyskom zakonodatel'stve (teoretiko-pravovoye issledovaniye): dis. ... dokt. jurid. nauk* [Legal terminology in modern Russian legislation (theoretical and legal research): Dr. Sci. thesis in Law]. Belgorod, 2017. 437 p.
7. Dobrolyubova E. I., Yuzhakov V. N., Efremov A. A., Klochkova E. N., Talapina E. V., Startsev Ya. Yu. *Tsifrovoye budushcheye gosudarstvennogo upravleniya po rezul'tatam* [Digital future of public administration based on results]. Moscow, Delo Publ., 2019. 113 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Арзамасов Юрий Геннадьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;
e-mail: uarzamasov@hse.ru

Певцова Елена Александровна – доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор, ректор Московского государственного областного университета;
e-mail: mo_mgou@mosreg.ru

INFORMATION ABOUT THE AVTHOURS

Yury. G. Arzamasov – Dr. Sci. (Law), Prof., Department of Theory of Law and Comparative Law, National Research University «Higher School of Economics»;
e-mail: uarzamasov@hse.ru

Elena A. Pevtsova – Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Education), Prof., Rector, Moscow Region State University;
e-mail: mo_mgou@mosreg.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Арзамасов Ю. Г., Певцова Е. А. Роль цифровизации в систематизации юридической терминологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 4. С. 24–34.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-24-34

FOR CITATION

Arzamasov Yu. G., Pevtsova E. A. The Role of Digitalization in the Systematization of Legal Terminology. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 4, pp. 24–34.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-24-34